

уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, ..., предусмотренное уголовным законом».

Следовательно, в советский период наблюдается отказ от формальной концепции определения преступления в пользу формально-материальной, которая сохранилась и в современном подходе законодателя в ч. 1 ст. 11 УК: «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания». Как отмечалось в научной литературе, общественная опасность как признак преступления носит объективный характер. Д.В. Мирошниченко указывает на то, что «нет заранее установленного критерия, по которому отдельное деяние следует оценивать как общественно опасное». Н.Н. Бугера и М.А. Малетина подчеркивают, что это свойство «не зависит от сознания и воли человека, однако оно может быть оценено в виде его законодательного закрепления в конкретной уголовно-правовой норме» с учетом ценности объекта правовой охраны, формы вины, и иных обстоятельств. В настоящее время правоприменительная практика действительно устанавливает степень тяжести преступления путем обращения к уголовно-правовой санкции, содержание которой определяется зачастую без объективного учета количества и качества заключенной в преступлении вредоносности по причине отсутствия методологии и инструментов измерения общественной опасности. Путей решения проблемы видится несколько. Например, Д.В. Мирошниченко предлагает разделить процесс познания общественной опасности в каждом конкретном случае на два уровня: законодательный и правоприменительный. В случае констатации невозможности четкого определения содержания общественной опасности для каждого конкретного преступления другим возможным вариантом решения проблемы мог бы стать отказ от формально-материальной концепции определения преступления в пользу формальной, что уже имело место в «досоветский» период развития уголовного законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие преступления формирует основу для всей системы уголовного права, определяя его структуру, цели и принципы. Отсутствие методологии и инструментов измерения общественной опасности предполагает отказ от формально-материальной концепции определения преступления в пользу формальной.

УДК 343.3

Е.З. Сидорова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В настоящее время одним из актуальных направлений деятельности различных государств является защита национальной безопасности от угроз криминального характера. Россия и некоторые страны постсоветского пространства подвергаются воздействию одной из серьезнейших угроз – экстремизму (приверженность к крайним взглядам и мерам, обычно в политике).

Вместе с тем экстремизм этим не ограничивается. Когда идет речь об угрозах экстремистского характера, влияющих на национальную безопасность той или иной страны, следует помнить, что экстремизм, проявляется во всех сферах жизни общества. В образовательной среде он, например, выражается в форме скулшутинга (вооруженные нападения обучающихся на своих учителей и одноклассников). В Республике Беларусь представители государственной власти акцентируют внимание на необходимости борьбы со скулшутингом. Так, А.П. Васильев, начальник УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», подчеркивает необходимость профилактики в борьбе с экстремизмом в сфере образования, внедряя в учебных заведениях электронную систему пропуска, устанавливая видеокамеры и тревожные кнопки, т. е. улучшать техническое оснащение образовательных учреждений, обеспечивать пропускной режим. Важно понимать, что подталкивает подростков к противоправным действиям. И здесь кроме правоохранительных органов к поиску решения проблемы должны подключиться родители, педагоги, врачи. Нужно следить, какие сайты в Интернете посещает подросток, с кем дружит, где гуляет, чем занимается во внеурочное время, обращать внимание на его девиантное поведение.

Раскрывая отдельные уголовно-правовые характеристики преступлений экстремистской направленности, предусмотренных УК РФ, отметим, что в настоящее время российский законодатель понимает такие преступления как совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Эти преступления предусмотрены соответствующими статьями Особенной части УК РФ, в частности ст. 63 УК РФ. Иными словами, согласно мнению законодателя к преступлениям экстремистской направленности следует относить все виды преступлений, которые совершаются по мотивам ненависти или вражды в отношении той или иной социальной группы (экстремистские мотивы).

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 151 УК РФ преступления экстремистской направленности относятся к подследственности ФСБ России. При этом в рамках своих компетенций организационную, техническую, оперативно-розыскную и иную помощь в расследовании таких уголовных дел оказывают сотрудники Главного управления по противодействию экстремизму МВД России (известно как Центр «Э»). В этой связи можно обоснованно говорить о том, что в вопросах борьбы с преступлениями экстремистской направленности задействуются силы различных правоохранительных органов, в том числе такую превентивную работу осуществляют сотрудники ОВД, что свидетельствует об актуальности и практической значимости настоящего исследования.

Подчеркнем, что конструкция составов преступлений экстремистской направленности отличается многообразием. Например, среди указанной категории составов преступлений можно встретить бланкетные нормы об уголовной ответственности за

экстремизм (ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), нормы с административной преюдицией (ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и др.

Следует обратить внимание на то, что особенности квалификации преступлений экстремистской направленности описаны в постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Кроме того, помним, что диспозиции составов экстремистских преступлений характеризуются своей бланкетностью, т. е. отсылают нас к нормам иных нормативно-правовых актов. К такому нормативно правовому акту в нашем случае относится Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Важно подчеркнуть, что с развитием общественных отношений меняется подход законодателя к содержанию объективной стороны некоторых преступлений экстремистской направленности. Например, в настоящее время в Уголовном законе России предусмотрена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Однако после 2002 г. данная норма претерпела значительные изменения.

Во-первых, в первоначальной редакции данной статьи она была посвящена публичным призывам к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. Впоследствии диапазон действия данной нормы расширился и включает в себя публичные призывы к любым действиям экстремистского характера (а не только к вышеуказанному).

Во-вторых, изменилась санкция данной нормы, что повлекло за собой изменение категории данного преступления. Теперь данное уголовно наказуемое деяние относится к категории преступлений средней тяжести.

Кроме того, в настоящее время описываемый состав преступления включает в себя квалифицированный способ его совершения (ч. 2 ст. 280 УК РФ): публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Законодатель, учитывая современную и повсеместную распространенность использования различных цифровых и информационных технологий, в том числе интернета, установил повышенную уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в цифровом пространстве. Связано это с тем, что медиaproстранство позволяет охватить большее количество лиц, призываемых к осуществлению экстремистской деятельности, т. е. значительно увеличивается вероятность следования данным призывам и дальнейших проявлений противоправного поведения экстремистского характера.

Таким образом, следует подчеркнуть, что борьба с экстремизмом будет эффективной только в том случае, если лица, осуществляющие противодействие экстремистским угрозам, будут правильно понимать его сущность, общественную опасность и возможности его проявления в социуме. Именно поэтому борьба с экстремизмом должна основываться на подробных теоретических исследованиях данной проблемы, в том числе исследованиях уголовно-правовых особенностей преступлений экстремистской направленности.

УДК 343.229

В.А. Смирнов

ОШИБКА В РАЗВИТИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ

Современное уголовное право, основанное на принципе вины, требует от правоприменителя четкого установления вины в действиях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, при этом привлечение к ней исключительно по фактически наступившим последствиям, без учета того, чего действительно хотело это лицо (объективное вменение), не допускается. Данное положение обуславливает необходимость установления истинных намерений лица, совершившего общественно опасное деяние, соотнесение его намерений с конечным результатом деяния. Интерес представляет ситуация, при которой лицо неверно представляет причинно-следственную зависимость между совершаемым им действием (бездействием) и наступившими общественно опасными последствиями, например: лицо, желая причинить смерть другому человеку, наносит ему определенные телесные повреждения и затем, воспринимая умершим, предпринимает действия по сокрытию тела, а позже выясняется, что смерть наступила в результате именно тех действий, которые виновным совершались для сокрытия преступления.

В теории уголовного права на рассматриваемую проблему существует две диаметрально противоположные точки зрения.

1. Фактический результат изначально охватывался умыслом виновного, и поэтому данная ошибка не имеет уголовно-правового значения. Содеянное должно квалифицироваться как оконченное убийство.

2. Последствие хоть и было изначально желаемо виновным, но наступило в результате не тех действий, которые совершены им с целью лишения жизни, а иных, направленных уже на сокрытие преступления. В связи с этим ответственность за совершенное преступление исключается, действия виновного должны быть квалифицированы как покушение на убийство (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ) и неосторожное причинение смерти.

Вторая точка зрения нам представляется более точной. Здесь учитываются требования принципа вины, учения о составе преступления, о стадиях преступной деятельности. Так, состав преступления выступает юридической абстракцией, но тем не менее четко и однозначно предполагает установление набора юридически значимых признаков, характеризующих содеянное как совершение оконченного преступления. В этой связи все действия виновного должны оцениваться с точки зрения их отражения в его сознании и воле. При этом надо понимать, что умысел как форма вины предполагает момент его возникновения, воплощения в жизнь и реализацию. После того, как лицо будет считать, что совершило все необходимые действия для достижения желаемого результата, можно говорить о его окончании (реализации) в сознании виновного. Все последующие действия, совершаемые виновным, хотя и выглядят связанными с совершенным преступлением, формально